

СРЕДА 31 ДЕКАБРЯ 2014 Г.

По теории вероятности, 80 процентов мужчин, доживших к концу 2014 года до 85 лет, имеют шанс дожить до 31 декабря 2015 года. Эту статистику я почерпнул из медицинского вестника *Nationaal Kompas Volksgezondheid*.

Обещаю сделать для этого все возможное, но не обижайтесь, если не доведу до конца года дневник, который начну вести с завтрашнего дня. Шанс: 1 к 5.

ЯНВАРЬ

ЧЕТВЕРГ 1 ЯНВАРЯ 2015 Г.

Раньше Эверт предпочитал вставлять петарды в соба-
чье дерьмо, а еще эффективнее — в кучки конского навоза,
но сейчас их нечасто увидишь. Он сожалеет, что преж-
ние хлопушки были намного меньше теперешних.

— Ведь я в своей инвалидной коляске с большой ве-
роятностью могу взлететь на воздух. С другой сторо-
ны, я бы охотно взорвал парочку снарядов в холле.

Таков был его вклад в дискуссию о фейерверках,
каковая продолжается вот уже несколько дней.

Несмотря на петицию жильцов, наша директри-
са, госпожа Стелваген, не сделала даже попытки снять
запретную для фейерверков зону вокруг нашего до-
ма престарелых. Поместила на стенде краткое уведом-
ление, что считает момент для этого “неадекватным”.
За этим что-то кроется, решили некоторые жильцы,
в частности, те, кто не понял, что значит “неадекват-
ный”. Другие думают, что Стелваген не хочет никаких
трений с муниципалитетом.

Наш клуб СНОНЕМ (“Старые-но-не-мертвые”) про-
вожал старый год и встречал новый в съемной квар-
тире Эверта, где разрешается печь и варить. В комнатах
нашей богадельни эта деятельность строго запрещена.
Но, имея в своих рядах бывших шеф-поваров Антуана
и Рию, следует использовать любой повод для кули-
нарных радостей.

Без четверти двенадцать мы все вместе отправи-
лись в комнату Граме (он живет выше всех, на пятом

этаже). С его балкона мы полюбовались на фейерверк, и Эверт, в знак нашего сопротивления дирекции, запустил нелегальную ракету. Он был просто великолепен.

Интересно, кто нас заложит.

Эдвард, не раздумывая, вызвался явиться на ковер к директрисе, если до этого дойдет дело. Он обещал говорить с ней еще неразборчивей, чем всегда, и на очередном заседании клуба СНОНЕМ представить письменный отчет об аудиенции.

Я лег спать в два часа ночи. Такое со мной случилось несколько десятилетий назад.

Браво, Хендрик.

ПЯТНИЦА 2 ЯНВАРЯ

В прошлом году каждый день чего-то не хватало. Весь 2013 год я исправно вел дневник. Этот час (или полтора) давал мне чувство собственной полезности и нужности. Возможно, отсутствие обязанностей — самая характерная черта жизни в богадельне. Живешь на всем готовом. Не надо думать ни о чем. Можно ласкать жизнь, как жидкий десерт фла, все комочки уже удалены. Втянул, проглотил, долой.

Многих здешних обитателей устраивает перманентное “все включено”, но для меня и моих друзей праздное прозябание в доме опеки не способствует ежедневному счастью. Я решил в 2015 году снова вести дневник. С одной стороны, чтобы иметь ежедневную обязанность, а с другой стороны, чтобы держать себя в форме, давая пищу глазам и ушам, и следить за развитием событий в нашем заведении и в остальном мире. Буду каждый день включать мозги и приводить в порядок мысли. Гимнастика для мозгов под-

держивает дух. В прошлом году я слишком часто сожалел, что не описал, как кто-то из стариков попадал в очередную передрыгу, и как по этому поводу возбуждался персонал, и как самодержавно усмиряла своих подданных директриса. Мне снова хочется писать.

СУББОТА 3 ЯНВАРЯ

Редкий пример честного высказывания в газете: “Ожидания, которые наше общество связывало с созданием профессиональной опеки над престарелыми, в современных обстоятельствах не оправдываются”, — написал директор одного интерната для престарелых.

Другими словами: бывает, что кому-то не успеют переменить подгузник, у кого-то ломается искусственная челюсть, кого-то приходится привязывать к кровати. Увы и ах, это неизбежно. Если все нытики и жалобщики, все охочие до сенсаций журналисты и все тридцать две инстанции, контролирующие дома престарелых, хотят этого избежать, они должны убедить большинство граждан Нидерландов, что нужно в разы повысить зарплату социальным работникам. Желаю успеха!

Я лично вручу эту статью нашей директрисе.

Что, удивил я вас? Нет больше послушного Хендрика. Пока еще рано говорить об отважном Хендрике, но год назад, на похоронах Эфье, я решил послать к черту свою вечную осторожность. Я все чаще называю вещи своими именами и при этом чувствую себя превосходно. Поначалу я еще каждый раз нервничаю, задыхаюсь, к горлу подкатывает ком, какой-то миг я колеблюсь, а потом словно ныряю с вышки в воду, чтобы с восторгом вынырнуть на поверхность. В таких

случаях мне жизненно необходимо одобрение других членов клуба СНОНЕМ. Прежде всего со стороны Эверта, ведь мой лучший друг никогда не боится называть вещи своими именами. Он моя поддержка и опора.

В этом году предсказывают очередную ужасную зиму. Хотя все предыдущие предсказания страшных морозов оказались ошибочными, нынешний прогноз снова воспринимается всерьез. Мои соседи по дому запаслись всем, чем можно. Шкафы забиты печеньем, шоколадками, конфетами, прохладительными напитками и туалетной бумагой. Вы скажете, а она-то здесь при чем? При том, что с некоторых пор мы должны сами обеспечивать себя туалетной бумагой. Из соображений экономии. С тех же пор экономят даже на уборке помещений, со всеми вытекающими. То, что сэкономлено на бумаге, будет истрачено на специальные моющие средства.

ВОСКРЕСЕНЬЕ 4 ЯНВАРЯ

Впрочем, директриса, госпожа Стелваген, даже не взглянет на упомянутую выше газетную статью, ей ни к чему непрошенные советы.

Стелваген проявляет интерес только к собственной репутации. Всем довольные обитатели дома покорно обслуживают ее в царском шатре. Она знает, что я это знаю. И знает также, что у меня есть небольшая группа поддержки, которую не стоит недооценивать.

Борьба между директрисой и клубом СНОНЕМ ведется тонко и осторожно, с переменным успехом для каждой из враждующих сторон. Никто не хочет

открытого военного столкновения. Слишком многое поставлено на карту.

— Благодарю вас, господин Грун. Вы снова отыскали что-то, из чего можно извлечь великую пользу?

— Именно так. Интересную статью одного вашего коллеги. Об ожиданиях, связанных с опекой, и об открытости службы опеки.

— Открытость? Я всегда была горячей сторонницей открытости, открытость вполне возможна. И всегда служит общественным интересам.

— Общественный интерес — понятие широкое. И глубокое, как тихий омут, госпожа Стелваген.

— Что верно, то верно, господин Грун.

Примерно в таком тоне протекают наши беседы. В большинстве случаев после них мне нужно время, чтобы прийти в себя. Но я уже освоил эту технику. Немного адреналина мне не повредит.

ПОНЕДЕЛЬНИК 5 ЯНВАРЯ

Вчера была прекрасная погода, поэтому я решил проверить, смогу ли еще добраться до своих скамеек. До скамейки номер 1 идти 400 метров, дальше до скамейки номер 2 еще 600 метров и под конец еще 400 метров, чтобы вернуться домой. Расстояния указаны приблизительно.

Я выполнил свою задачу с некоторым трудом. Мой радиус действия остался таким же, каким был год назад, и я с удовлетворением могу считать этот застой прогрессом.

Ведь для меня самый быстрый способ куда-нибудь дойти означает двигаться медленно. Чтобы не свалиться по дороге между двумя скамейками. Правда,

идти спокойно и при этом создавать впечатление уверенной скорости пока не получается. Я отвергаю роллатор и опираюсь на палку, служившую еще моему отцу, но пока что слишком размахиваю ею в воздухе. Потом пытаюсь по возможности элегантно расположиться на скамейке. Тщеславный ты парень, Хендрик. Бог знает почему.

Снова с большим удовольствием веду дневник. Я рад, что снова взялся за перо, и жалею, что не брался за него целый год.

Как говорила когда-то моя жена: больше всего жалеешь о том, чего не сделал.

В ближайшие дни опишу в общих чертах события, произошедшие в нашем доме в пропущенном 2014 году.

ВТОРНИК 6 ЯНВАРЯ

Самое важное событие произошло на второй день 2014 года: похороны Эфье. Моя любовь, моя Спящая Красавица лежала как живая, пока крышка гроба не бросила на нее последнюю тень.

Церемония прощания прошла достойно: прекрасная музыка, трогательные речи. Но все это не исцеляло отчаяния.

Долгие месяцы я так тосковал по Эфье, что потерял всякий интерес к своим запискам. Стоило мне сесть за компьютер, как я машинально набирал ее имя. Время очень медленно залечивало мою рану.

Второе по важности событие произошло в ноябре, когда Гритье перевели “на ту сторону” — в закры-

тое отделение. Господин Альцгеймер нанес удар раньше, чем мы ожидали. Она все чаще сбивалась с пути. Буквально, когда на чужом этаже искала свой старый дом, и фигурально, когда забывала, для чего вообще служит чайник. До самого конца мы много смеялись. Она всегда, даже в своем безумии, оставалась контактной и благожелательной. Никакой злобы и никакого страха. При переселении спокойно следовала за тележкой, на которой везли ее пожитки.

Такой деменции можно пожелать каждому. Но во время моих кратких посещений закрытого отделения я видел, что Гритье была там как роза в зарослях крапивы.

В Хиллегоме несколько страдающих деменцией обитателей пансионата “Ден Велигенберг” получили разрешение снова жить самостоятельно. Конечно, под присмотром, но все-таки... Однажды я внимательно осмотрел здешнее закрытое отделение и не встретил там никого, кому бы решился доверить ключ от отдельной комнаты. Разве что на время учебной тревоги. Интересно же, что они будут делать в случае наводнения, пожара или взрыва? Может, эти умники в Хиллегоме поспешили выпустить на волю некоторых стариков?